

Возрождение Атлантиды

Тему Атлантиды, ушедшей на дно в каком-то смысле вымышленного водного пространства, ввел в метафизическое пространство в «Тимее» великий Платон. Попробую освежить в нашей памяти некоторые положения. Платон говорил, что

боги, творя над Землей очищение, затопляют ее водами, уцелеть могут волпасы и скотоводы в горах, между тем как обитатели ваших городов оказываются унесены потоками в море... сохраняющиеся у нас предания древнее всех... <...> все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и прочих народов всякий раз, как только успеет выработаться письменность и все прочее, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих. Взять хотя бы родословные... ведь они почти ничем не отличаются от детских сказок. Так, вы храните память только об одном потопе, а ведь их было много до этого; более того, вы даже не знаете, что прекраснейший и благороднейший род людей жил некогда в вашей стране¹.

Склонность великого философа к построению мифов достаточно известна. Но вместе с тем миф всегда дает материал к размышлению. Расширительный смысл этого мифа применительно к России очевиден. Поначалу Атлантидой называли Московскую Русь, загубленную Петром, позже истинной Атлантидой стал в восприятии публики Петербург, проклятый еще царицей Авдотьей. Город, интеллектуальный уровень которого не уступал европейскому. Русские философы переписывались с Шеллингом, Шпенглером, Тиллихом, Хайдеггером, Бинсвангером и многими другими. Причем это не были письма учеников, а контакт равноправных, говоря словами Бабефа, «заговор равных». Напомню, что Риккерт публично назвал Федора Степуна надеждой европейской философии. Жизнь в Европе и России в те годы пахла серой. Но жизнь на вулкане, как ни странно, обостряла мысль. Гибель Петербурга и его высокой культуры в результате Октябрьской катастрофы описал Бунин, что очень похоже на гибель русской Атлантиды.

© Кантор В. К., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-223-225

1. См.: Платон. (1994). Тимей / Пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Платон. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Мысль. С. 427.

Хлябь, хаос — царство Сатаны,
 Губящего слепой стихией.
 И вот дохнул он над Россией,
 Восстал на Божий строй и лад —
 И скрыл пучиной окаянной
 Великий и священный Град,
 Петром и Пушкиным созданный.

Это была ушедшая от нас реальность, но что же было до нас? Какова коннотация, ведущая нас от прошлого к сегодняшнему дню? Когда-то я написал про Петербург, сравнив его с «Непотонувшей Атлантидой». Сокрушив великий город, переименовав его именем разрушителя в Ленинград², большевики также отвергли и «архискверного Достоевского», как определил его Ленин. Им было понятно, что писатель, разоблачивший смысл бесовских деяний, не может существовать в стране бесов. Десятитомник писателя был издан только в 1950-е годы, годы хрущевской «оттепели»³.

В «Поэме без героя» Анна Ахматова лаконично и просто передает исчезновение Достоевского вместе с воспетым им городом. Достоевский запрещен, Петербурга, создавшего русскую культуру, тоже не стало. Вместо него на географической карте появился сначала Петроград, а затем и Ленинград. Все поглотил туман, в котором роились бесы:

И царицей Авдотьей заклятый,
 Достоевский и бесноватый,
 Город в свой уходил туман.

И тем не менее, увидевший из-за рубежа нечто более важное, Г. П. Федотов предсказывал:

Что же может быть теперь Петербург для России?.. Многие из этих дворцов до чердаков набиты книгами, картинами, статуями. Весь воздух здесь до такой степени надыхан испарениями человеческой мысли и творчества, что эта атмосфера не рассеивается целые десятилетия... Эти стены будут еще притягивать поколения мыслителей, созерцателей. Вечные мысли рождаются в тишине закатного часа. Город культурных скитов и монастырей, подобно Афинам времени Прокла, — Петербург останется надолго обителью русской мысли»⁴.

2. Бунин в ужасе писал, «что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демиурга», но еще страшнее то, «что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград», а потому «охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу» (Бунин И. А. [1990]. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Советский писатель. С. 354–355).

3. Кантор В. (2010). Петербург Достоевского — непотонувшая Атлантида // Кантор В. Судить Божью тварь: пророческий пафос Достоевского. М.: РОССПЭН. С. 404–411.

4. Федотов Г. П. (1991). Три столицы // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб.: София. С. 53.

Так оно и произошло. Поэтому смело можно сказать, что возрождение, переосмысление петербургской культуры есть расширение и углубление культуры европейской.

Последние десятилетия российская мысль пытается восстановить взорванную и утонувшую русскую Атлантиду, заново прочитать ее смыслы, и сызнова ввести ее в контекст европейской культуры, откуда она была выброшена стихией Октября. Одна из самых важных задач, которую поставила перед собой наша, уже год существующая Международная лаборатория русско-европейского интеллектуального диалога⁵ — это восстановление ставшего сегодня чрезвычайно актуальным утерянного русско-европейского диалога. Именно эти темы в разных коннотациях звучат в предлагаемой вниманию читателя подборке статей сотрудников нашей лаборатории.

В. К. Кантор,
заведующий Международной лабораторией
исследований русско-европейского
интеллектуального диалога

5. Наш сайт: <https://reid.hse.ru/>